

ГЛАВА 1. ДЕБОРА УЗНАЕТ, ЧТО ЕЙ НРАВИТСЯ КИСКА

Два дня назад мне исполнилось восемнадцать лет, я была неуклюжей старшекласницей, воплощением ботанки, когда один день навсегда изменил мою жизнь.

Я как раз собиралась идти в школу, когда миссис Эпплтон, моя соседка, окликнула меня.

— Доброе утро, миссис Эпплтон, — поприветствовала её я. За последние шесть лет я много раз работала у нее няней, и она была для меня как вторая мама.

— Так тебе уже восемнадцать? — спросила она.

— Да, — кивнула я.

— Чувствуешь ли ты себя теперь взрослой? — спросила она.

Я пожала плечами:

— Не совсем.

— Я думаю, тебе пора показать, что это значит, — сказала она, ее тон отличался от нашего обычного разговора. — Выйди со мной на улицу.

— Мне нужно идти в школу, — ответила я, не понимая, что она может хотеть показать мне на своем заднем дворе.

— Ты когда-нибудь прогуливала школу? — спросила она, взяв меня за руку.

— Нет, — призналась я. Я была прилежной ученицей, и, возможно, более популярные девочки в школе считали меня дурнушкой.

— Ну, я не буду заставлять тебя пропускать целый день, но я хочу сделать тебе подарок на день рождения, — продолжила она, нежно взяв меня за руку и поведя меня в сторону ее дома.

Я была в замешательстве. Это было очень на нее не похоже. Но я не собиралась больше ее расспрашивать. Я последовала за ней на задний двор.

Дойдя до заднего двора, она спросила:

— Я собираюсь задать тебе несколько очень личных вопросов, Дебора.

— Хорошо, — кивнула я, смущенная ее странным поведением.

— Ты находишь меня привлекательной? — спросила она.

— П-п-простите? — заикаясь, спросила я, совершенно шокированная вопросом.

— Я вот нахожу тебя очень привлекательной, — продолжила она, поднеся палец к моим губам.

Я была словно парализована. Миссис Эпплтон знала, что я девственница, и знала, что я запуталась в осознании своей сексуальности. Я не могла обратиться к маме по поводу того, что влюбилась в девочку из моей школы, но я попросила совета у миссис Эпплтон. И она объяснила мне, что все девочки в какой-то момент задаются вопросом о своей сексуальности и что только путем экспериментов они узнают, кто они — натуралы, би или лесбиянки. Я пока не прислушалась к ее совету, потому что на дворе стояли восьмидесятые годы, и я не была готова стать еще большим изгоем, чем я уже была.

— Все в порядке, моя дорогая, — улыбнулась она, вставая прямо передо мной. — Я не кусаюсь... сильно.

Моя голова закружилась... мои ноги застыли на месте... и... моя киска увлажнила мои трусики.

— Я хочу быть твоей первой, моя любимица, — продолжала она, наклоняясь и целуя меня.

Ее губы были такими мягкими, такими нежными, что мой разум отключился, когда я вернула ей поцелуй. Я целовалась с парой мальчиков, и однажды меня уже "трогали", но... ничего серьезного. Но это... это было по-другому. Я будто растворилась в ней, забыв, что опоздаю в школу, забыв, что моя мама может выглянуть из заднего окна и увидеть нас, забыв, что она на двадцать лет старше меня.

Когда она разорвала наш поцелуй, я почувствовала пустоту. Меня никогда так не целовали, и мне было грустно, что все закончилось.

Глядя мне в глаза, она прошептала:

— Я всегда знала, что этот день настанет.

— Вы знали? — спросила я, совершенно ошеломленная. Миссис Эпплтон была красивой и утонченной женщиной, такой... совершенно непохожей на меня.

— Конечно же, моя дорогая, — тепло улыбнулась она, — какова мать, такова — дочь.

— Что? — спросила я, превратившись из ошеломленной в растерянную всего за четыре слова.

— Твоя мать была моей любимицей в течение многих лет, — сказала она.

— Твоей... любимицей? — спросила я, все еще не понимая, о чем идет речь.

— Ты невероятно умна, начитавшись своих книжек, дорогая моя, но тебе еще многое предстоит узнать о реальном мире, — продолжала она.

Я, вероятно, выглядела как олень в свете фар, пытаюсь осознать тот факт, что моя мать, очевидно, изменяла моему отцу... с другой женщиной.

— Теперь я уже знаю, о чем ты думаешь, — продолжала она, читая мои мысли, — твоя мать изменяет твоему отцу, но ты не можешь смотреть на это с такой точки зрения.

— Не могу? — спросила я.

— Нет, — объяснила она, — реальность такова, что твоя мать любит твоего отца, всецело, но он не может удовлетворить ее женские сексуальные желания, потому что... ну, говоря откровенно, у него имеется хуй, а не пизда.

— Вы с моей мамой занимаетесь сексом? — наконец, спросила я, хотя ответ был уже очевиден.

— В основном, она "ест" мою пизду или я трахаю ее пизду или жопу одним из моих straponов, — ответила она довольно буднично, делая этот разговор еще более сюрреалистичным.

— Думаю, мне пора идти, — сказала я, ошеломленная всем услышанным и желанием уйти оттуда.

— Моя дорогая, — тепло улыбнулась она, — но ведь я еще не позволила тебе получить твой подарок на день рождения.

Прежде чем я успела что-то сказать, она стянула с себя сарафан и отбросила его в сторону, показав, что на ней нет ни лифчика, ни трусиков.

Меня снова словно парализовало. Шокирующие откровения привели меня в полное замешательство. Я была смущена, расстроена, рассержена и в то же время несомненно возбуждена.

— У моей кошечки есть язычок? — спросила она с коварной улыбкой на лице, садясь и раздвигая ноги, а затем переформулировала: — Или, точнее, в моей киске есть язычок?

— Я... я... я должна..., — с трудом формулировала я незаконченную мысль, уставившись на ее "киску".

— Давай, забери свой подарочек на день рождения, Дебора, он единственный в своем роде, — сказала она, ее тон был таким знойным, таким сексуальным, что у меня голова пошла кругом.

Я не могла пошевелиться. Весь мой невинный мир был разрушен за несколько секунд. Моя мама была лесбиянкой? Моя соседка — тоже лесбиянка?

— Иди ко мне, — ласково приказала она.

Я прошла несколько шагов к своей нагой соседке.

— На колени, моя дорогая, — тихо сказала она.

Повиноваться было так естественно, и я почувствовала, как уже опускаюсь на землю. Положив свой пакет с обедом рядом с собой, я вскоре стояла на коленях, глядя на киску миссис Эпплтон... с необъяснимым и неоспоримым желанием попробовать ее на вкус.

— Давай, моя дорогая, попробуй свой особенный праздничный пирожок, — мягко сказала она, беря меня за хвостик волос и нежно притягивая к своим слегка блестящим половым губкам.

Я позволила ей подтянуть меня между ее ног к ее киске.

Легкий сексуальный аромат окутал меня, когда я вытянула язычок и начал лизать свою первую киску. Я понятия не имела, что я делаю, пока лизала им вверх-вниз, раздвигая губы ее киски.

Она издала тихий стон и сказала:

— Вот так, моя милая, исследуй мою пизду своим языком.

Я никогда не слышала, чтобы кто-то использовал слово на букву "п" в разговоре, но почему-то в данном случае мне показалось, что это самое подходящее время, чтобы использовать такое неприличное слово.

Услышав ее стон, означающий, что я доставляю ей удовольствие, я воодушевилась и начала исследовать каждый дюйм ее... пизды... не торопясь.

— О да, Дебора, ты — прирожденная пиздолизка, — простонала она, прежде чем добавить: — Я так и знала.

Мне было интересно, как долго она это планировала, но я сосредоточилась на том, чтобы доставить ей удовольствие. Ее вкус был экзотическим и притягательным, и я хотела ощутить весь послеоргазменный поток её соков.

— Хочешь заставить мою пизду кончить? — застонала она через несколько минут.

— Да, — прошептал я, продолжая лизать её.

— Да — что? — спросила она, ее рука легла на мой подбородок и подняла мое лицо, чтобы установить зрительный контакт.

— Да, я хочу попробовать соки твоей пизды, — заявила я, впервые в своей жизни произнеся слово на букву "п".

— И ты хочешь быть моей любимицей? — продолжала она допытываться, пока я облизывала её срамные губки, чтобы почувствовать еще один оттенок вкуса ее пизды.

Я не была уверена в том, что значит быть любимицей, но в данный момент, когда я попробовал ее сладкую киску, я сделала бы все, чтобы продолжать "кушать" её. Я ответила, глядя прямо в ее карие глаза:

— Да.

— Да — что? — снова спросила она, явно наслаждаясь своей властью надо мной.

— Да, я хочу быть твоей любимицей, — признался я.

— Ну, тогда иди и получи своё угощение, моя любимица, — улыбнулась она, отпуская мой подбородок.

Страстно желая довести её до оргазма, попробовать её соки, я вернулась к вылизыванию. После недолгого исследования её пещерки, когда ее стоны усилились, я решила, что пришло время быть более агрессивной. Зная, что я возбуждаюсь, когда сосредоточиваю своё внимание на своем клиторе, от касания его приближаюсь к краю, я взяла ее клитор своими губами, одновременно вводя два пальца в ее киску.

— Ты — плохая девочка, — простонала она, схватив меня за затылок и притягивая меня глубже в свою пизду.

Я яростно трахала ее пальцами, а она начала двигать попкой вверх-вниз, пока я жадно лизал её киску. Прошло совсем немного времени, прежде чем она закричала, вероятно, дав знать моей матери о том, что происходит около соседнего дома, и мое лицо было залито ее жидкими выделениями.

Я жадно слизывала обильный сок, который тёк из ее пизды, причмокивая, как будто это было самое сладкое вино на свете. Я не знала, лесбиянка я или бисексуалка, но я знала, что я не совсем натуралка, так как мне нравился вкус ее пизды и то, как естественно я чувствовала себя, стоя на коленях между ее ног.

В конце концов, она отпустила мою голову, и я подняла на нее глаза, мое лицо было липким от сока ее пизды. Она улыбнулась мне и сказала:

— Тебе понравилось?

— Да, — кивнула я, все еще трепеща от всего, что только что произошло. То есть, двадцать минут назад я шла себе в школу, как обычно, а теперь я стояла на коленях перед миссис Эпплтон с соком её киски на своём лице.

— Я знала, что для тебя это будет очень естественно, — сказала она.

Мне пришлось спросить:

— А моя мама лижет твою киску?

— Почти ежедневно, — пожала она плечами. — Нам, домохозяйкам, знаешь ли, скучно в течение дня.

— Я не могу в это поверить, — сказала я, ошеломленная. Как тем, что я только что добровольно сделала, так и тем, что моя мама тоже делала это, и практически каждый день.

— О, поверь мне, твоя мама — самая покорная любимица, которую я когда-либо встречала, — продолжила она. — По правде говоря, на этой улице нет ни одной женщины, у которой твоя мама не была бы между ног.

— Не может быть, — снова задохнулась я, поскольку лавина шокирующей информации все вываливалась и вываливалась на меня.

— Милая, ты уже достаточно взрослая, чтобы знать правду, — продолжила она, подняв меня с колен и поцеловав.

Я с жадностью поцеловала ее в ответ, пребывая в полном восторге от нее.

Прервав поцелуй, она продолжила:

— Весь этот район лесбийски активен.

— Я просто не могу себе этого представить, — сказала я, пытаюсь представить, как моя мама лижет у миссис Эпплтон... или кого-нибудь еще в нашем квартале.

— О, поверь мне, теперь, когда ты стала совершеннолетней, ты станешь очень активным членом лесбийского сообщества нашей коммуны, — продолжала она.

Я была совершенно и официально ошеломлена. Я сказала:

— А мне ведь действительно нужно идти в школу.

— Да, наверное, так будет лучше, — кивнула она.

Я начала уходить. Всё, что, как мне казалось, я знала о своей жизни, было полностью уничтожено за последние полчаса.

— Я позвоню миссис Кэмпбелл, чтобы извинить твоё опоздание, — сказала миссис Эпплтон, прежде чем добавить: — Она тоже моя любимица.

Я остановилась и обернулась.

— Вы серьезно? — спросила я. Миссис Кэмпбелл была директором моей школы и очень строгой женщиной, которая никогда не улыбалась... никогда.

— Я никогда не шушу о своих любимицах, — улыбнулась она.

— Хорошо, — кивнула я, в голове крутилось столько вопросов, но времени задать их у меня уже не было. Я шла в школу, зная, что моя жизнь изменилась навсегда, и не зная, что ждет меня впереди.

Пизда матери близняшек внезапно запылала похотливым огнем, когда в ее голове пронеслись теплые воспоминания о том, как она всю жизнь лизала пизды. Она наблюдала за тем, как Аманда доводит сестру до оргазма пальцами, одновременно вылизывая ее манду. С тех пор как она соблазнила двух своих дочерей на их восемнадцатилетие, она создала четкую иерархию в семье. Она была на вершине и была госпожой, затем была Хлоя, ее очень общительная дочь-дива, и в самом низу сексуальной цепочки — Аманда, застенчивая ученица, которая буквально

была рождена, чтобы всем угодать.

Как только Хлоя кончила, миссис Паркер приказала:

— Так, Аманда, иди быстренько раздень мамочку, пока твой папочка не вернулся домой.

— Да, мамочка, — нетерпеливо кивнула Аманда, оставляя киску сестры и зарываясь лицом в мамину. С тех пор, как она впервые познакомилась с уникальным вкусом киски, она буквально стала зависимой. Она часто умоляла сестру дать ей полизать у неё, а когда у сестры были месячные, она реально переживала ломку.

— Хлоя, следи за подъездом, — сказала Дебора, — Мы не хотим, чтобы твой отец узнал о нашем маленьком секрете.

— Может быть, нам стоит добавить его в наши игры, — улыбнулась Хлоя. В отличие от Аманды, которая все еще оставалась девственницей, что было большой редкостью в 2015 году для восемнадцатилетних, она была бисексуальна. Хотя она "ела" мамину киску и любила это делать, на самом деле ей нравилась власть, которую она имела над сестрой, и она надеялась получить других подчиненных, чтобы они ублажали её.

— Ты бы, наверное, с удовольствием трахнула своего отца, не так ли? — стонала мать, пока ее дочь вылизывала ее пизду. — Ты всегда была папиной дочкой.

— Может, пришло время стать папиной шлюшкой, — предположила Хлоя. Идея трахнуться со своим горячим отцом — это было то, о чем она думала много-много раз.

Дебора застонала, когда ее старшая дочь была близка к тому, чтобы ее возбудить до предела:

— Давайте пока оставим это между дамами.

— Хорошо, — кивнула Хлоя, на самом деле не так уж вождедея своего отца, просто ей нравилась сама идея нарушения табу.

— Вот так, моя жаждающая пиздолизка, сделай так, чтобы мамочка кончила, — потребовала Дебора, схватив голову дочери и держа ее прижав к своему лону, пока не "взорвалась" оргазмом.

Аманда жадно слизывала вкусную мамину сперму, к чему она пристрастилась с того первого рокового дня почти год назад.

Закончив кончать, Дебора вздохнула:

— Ну, думаю, мне пора готовить ужин.

Хлоя заметила:

— Мне кажется, Аманда только что поужинала.

Аманда, все еще легко смущаясь своей неспособностью устоять перед любой киской, покраснела. Она все еще боролась с реальностью, что эта часть ее жизни была настолько неструктурированной и непредсказуемой. Во всех остальных аспектах своей жизни она была дисциплинированной, организованной и планировала своё будущее... её уже приняли в Гарвард (цель, которую она поставила перед собой ещё в третьем классе). И все же, когда ей предложили киску, она не смогла устоять; она также не смогла не послушаться свою волевою сестру.

Дебора посмотрела вниз, тепло улыбнулась и сказала:

— Ну, как и все остальное в её жизни, она весьма преуспевает в поедании киски.

— Спасибо, мамочка-госпожа, — ответила Аманда, глядя на свою мать, которой очень нравилось признание того, что она делает более чем хорошо. Будь то получение 100% баллов на тесте, награды или поощрения от кого-то, она всегда наслаждалась похвалой в свой адрес.

— Иди наверх и дай кончить своей сестре, — сказала Дебора, вставая.

— Да, мамочка-госпожа, — кивнула Аманда, у неё уже потекли слюньки от мысли о том, чтобы снова полакомиться киской Хлои.

— Ты такая лесбийская шлюха, — улыбнулась Хлоя, зная, что обзывательства держат ее сестру в тонусе.

Аманда ненавидела обзывательства, но они, несомненно, заводили ее.

— Давай, пиздолизка, — приказала Хлоя, щелкнув пальцами.

Из ее пизды тут же хлынула влага, и Аманда, как и ожидалось, поползла на карачках в спальню сестры.